

Владимир ПОДЮКОВ (д. Селетки, Б-Сосновский район, Пермский край)

МАСЛЕНИЦА В КАРАВАЕВО

Февральское утро. Слышен скрип полозьев, перезвон колокольчиков. К развилке дороги с двух сторон приближаются санные обозы. Перед ними открывается третья дорога.

– Доброго здоровья, земляки! Куда спешим?!

– И вам доброго здоровья! Едем в Караваево, на Масленицу! А вы куда?

– Туда же двигаемся! Всю Сырную седмицу, даст Бог, там пробудем. Рыба на глубину, птица к теплу, а мы к добрым людям поближе. На ярмарке поторгуем, на других посмотрим, себя покажем.

– Откель такие шустрые?!

– Мухинские!

– Бывали у вас. А мы из Бажат!

– И вас знаем!.. А ты-то сам часом не Онисим ли, Прохоров сын?

– Верно приметил! А ты не Захар ли Тропинин?!

– Кто больше?! Здорово, друг! Помню, как в стенке ты меня выручил! Рад встрече, брат!..

Пойдем с Богом далее. Трога-ай!

– С Богом!

Объединенный конный обоз движется дальше. Слышится звон колокольчиков, скрип полозьев, понукание возниц, негромкий смех, пересуды.

Утренняя заря встаёт над заснеженным лесистым горизонтом. Вдали открывается село.

Голос за кадром:

– Последнюю неделю перед Великим постом русский народ издревле называл Сырной или Масленой седмицей, что по-простому – Масленицей. Когда-то все семь дней выливались в один сплошной, всеобщий праздник. Каждый день Масленицы имел свое название. В Караваевской округе эти дни назывались так: понедельник – «встреча», вторник – «заигрыш», среда – «разгул», четверг – «широкий», пятница – «тещины вечерки», суббота – «проводы», воскресенье – «прощеный день». Все в округе – от мала до велика – с нетерпением ждали «Маслену».

В кадре – красивые зимние пейзажи: леса, поля, угоры, перелески; крупным планом укутанные снегом деревья. Идут титры.

Просторная крестьянская изба. Полумрак. В Переднем углу стоят огромные иконы, возле которых теплится лампада. Коренастый дед Абрам Иванович с длинной бородой спокойно кладет земные поклоны и что-то шепчет. Слышен размеренный скрип половиц.

Помолившись, дед, не задувая лампы, поворачивается к просторной печи. Видны головы спящих ребятишек. Дед подходит и осторожно трясет самую большую голову.

– Ну-ка, Илья Данилыч, слезай-ка с полатей, – громко шепчет дед. – Коли родители в гости уехали, – так ты теперя за старшего. Давай-ка, управляйся со скотиной. Да младших-то не буди... Ещё вот чего. Староста приходил. Нарядил тебя чистить по улице. Так что собирай опосля свою дружину, да айда с лопаткой!

Илья приподымает сонную голову. Кивает. И снова бухается носом в подушку.

Рассвело. Небольшая изморозь стелется над проснувшимся селом. Слышно, как люди готовятся к празднику.

Ватага парней задорно толкает огромную широкую лопатищу – одно из тех древних приспособлений, с помощью которых караваевцы приучали подрастающее поколение не только к труду, но и к боям. У лопаты с тыла поручни, как у щитов, чтобы было удобнее держать. С боков лопаты – толстые палки. Встали теснее. Левыми плечами лопату подперли, правыми руками поддержали. С боков по двое придерживают-толкают за палки. Кому места не хватило – дружков подпирают. Совсем как в «стенке». Дружно:

«И-эх!» – шаг. «И-эх!» – другой шаг.

У первого дома расчистили.

– Заворот, братья! – командует Илья. – Не ломать строй!

– И-эх!...

Вот и последняя изба!

– И-эх!

Солнце радостно освещает округу. Доносится ярмарочный гул.

– В сторону «лопатку»! Айда на лёд, на ярмарку! – радостно призывает Илья. – Ноне, говорят, как и в запрошлом годе, сыздаля товаров навезли! И забав опять полно! Даром что ль лёд с вами долбили?!

– Айда! На ярмарку! Вперёд! Шибче! – подхватывают дружки.

Ватага выбегает на заснеженный угор. С высокого берега хорошо видать, как белоснежная река разделила округу на две половины. Радуют глаз разноцветные торговые ряды, разместившиеся на льду.

Ребята сбегают к реке. Шумно, с прибаутками и смехом, быстро передвигаются вдоль торговых рядов. После подбегают к забавам-увеселениям.

На замороженных в лёд чурбанах сколочены несколько горизонтальных бревен. На одном уже пробуют силы – бьются мешками сельские сорванцы. На другом бревне сражаются на палках.

Недалече – бревно стоячее. На его макушке тележное колесо, на колесе – дорогие подарки. Ещё далее – вертушка-карусель. Немудреные вертушки: тележная ось в лёд заморожена, сверху колесо нахлобучено. А к колесу две оглобли крест-накрест прикручены. Немудреная карусель, а сколько радости детворе! Вдали виднеется ещё несколько каруселей.

– Па-а-а-берегись! – летит мимо парней пара добрых коней. Радостно звенят бубенцы. В кошеве молодец сидит подбоченясь. Нарядная шапка на затылок сбита. Рядом, с полотенцами через плечо, сваты сидят. Жених раскраснелся – не то от морозу, не то от волнения.

– Соседа сынок полетел, – переговариваются две нарядно одетые женщины-коробейницы. – Гнездо уж свито – дом всей родней ставили. Хозяюшка нужна. В церкви приметил красавицу. Из-за реки она, с хутора. Как-то дело выйдет? Ну, да батюшка благословил счастье найти.

– Расторопный!

Летит возок: «Па-аберегись!».

Недаром понедельник сырной седмицы «встречей» величают. Среди ярмарочных рядов только и слышно: «Доброго здоровья!», «Сколько не видались!», «Вот так встреча!..»

Илья в толпе народа знакомый платочек заметил. Сердце ёкнуло, запылало, грудь задором распирая. Чем же обрадовать красавицу? Взгляд на подарки наткнулся, что на макушке столба приторочены. А столб то один, то другой молодец атакует. Да водой столб не зря щедро полит. Блестит на солнце ледяная корка.

– Не всякому Егорке такая горка! – говорит кто-то из парней.

Илья подошёл к столбу. Скинул кафтан. Подпрыгнул. Удержался. И пошёл волной-перекатом вверх. Снизу сначала подшучивали. После посыпались одобрения. Вот и колесо заветное. Отцепив привязанный цветастый полушалок, Илья пронзительно свистнул и... оттолкнулся от столба. В толпе ойкнули. Ещё миг – и парень, прокатившись по утопанному льду, лихо вскочил на ноги! Кто-то заругал, кто-то похвалил.

Подхватив вязанный полушалок, молодец махнул дружкам:

– Бывайте, братцы! До встречи!

И кинулся искать зазнобу. А утица сама к селезню плывёт. Издаля приметила, как дружок подарок выбирал. Для кого, интересно?

– Катерина! Вот... подарочек тебе, – выдохнул парень.

Девушка вспыхнула. Губки поджала. Но подарок приняла. Подружки, что рядом оказались, разговорами-расспросами засыпали. Илья тут же в толпе затерялся.

У конюшей лавки возле хомутов да сбруи ватага зареченских молодяжек парню дорогу заступила. Вперёд завсегдашний недруг, Пашка Коршунов, выступил.

– Опять к Катьке липнешь? – злорадно ухмыльнулся Пашка. – А я ведь ты предупреждал, паря! Отойдём-ка.

Не успели отойти, как Пашка, развернувшись, вдарил со всего плеча! Не зря говаривали, что наглость любит коршуновскую породу, а стыд их стороной обходит. Кого другого такая затрещина враз бы уложила. Только не Илюху! Родовое уменье всюду выручит!

Нырнул Илья, скрутился, подхватил. Да на лёд супротивника и шмякнул!

Хряпнулся Пашка. Вскочил. Глаза кровью налились. Рука сама за голенище потянулась. Никто не успел и глазом моргнуть, как лезвие блеснуло. Зареченцы вмиг в себя пришли, да на своего жоака гурьбой навалились. Подмяли, пока никто из земляков о таком позоре не прознал.

– И девке честь потерять не так позорно, нежели мужу нож зазря вытащить! Спрячь быстрее! – шипят коршуновцы на главаря. – Ославиться, что в дегте извальяться. Пойди потом, отмойся!

Илья и сам рот открыл от неожиданности. Оглянулся – не видит ли кто? Вроде пронесло – все вокруг заняты своими заботами. К куче-мале наклонился:

– Никто ниче не видал. Ножа не было! Понятно?!

Пашке:

– Не играй с огнём – опалишься!

– Зря ты, Пашка, связался с Илюхой, – сетуют коршуновские парни. – Да ишо из-за зазнобы! Едва на позор не попали... А Коловратовых нахрапом не взять! Они старину крепко держат. Тайны-премудрости кругового боя их род издревле хранит. Недаром атаманят по округе. Волк-то силен, да волкодав ловчая!

Оставив зареченских молодяжек, Илья кинулся свою ватагу искать. А где им больше быть, если не у бревна лежачего? Тут они, мешками колотятся. Оседлали двое бревно, как коня. В руках мешки тяжелые. Лупцуют друг друга почем зря! Народ вокруг толпится. Тешится, когда кто из молодцев с бревна на лёд ухнет.

Илья подбежал.

– Чей черёд? – спрашивает Илья.

– Да уж все бились, – отвечают дружки. Заметив, как один из соперников под громогласный смех валится на лёд, Илья подхватил мешок. Только супротивник руками машет:

– Не буду с тобой сражаться. Ты с чугунками меж колен каждый день вертишься, в медных лаптях «русского» пляшешь, медными рукавицами круговерть наворачиваешь – поди тебя сшиби! Абрам Иваныч, поди, спуску не даёт! У него не забалуешься! Ищи себе по силе из мужей.

– Не хочешь на мешках? – Илья отбросил мешок, выхватил из толстого паучка палку, вскочил на бревно. – Давай на палках!

Соперник руками отмахивается:

– Пеший конному не товарищ! Знаем вашу породу: все руки отобьёшь, коль с Коловратовыми на палках биться. Кошке-то – игрушки, а мышке – слёзы. Выходи, кто с Илюхой биться на палках хочет. Угостись, кто голоден!

Илья спрыгнул с бревна. Махнул дружкам. Ватага побежала далее.

Ярмарочные ряды, различные увеселения, толпы народа.

Раннее утро следующего дня. Изба. Дед отмолился. Подходит к сундуку. Не спеша, любуясь, извлекает свою праздничную утварь: нарядный кафтан; валенки-самокатки, бисером обшитые; шапку-ушанку; алый кушак.

Примеряя наряды, нарочито сердито бросает в сторону печи:

– Илюха! Давай управляйся, вставай... Да собирайся, со мной пойдёшь. Поди запомнил, что «заигрыш» сегодня? «Круг» будет. И робят с собой возьмём – пусть порадуются.

Всё помнит Илья. Только вылезать из-под тёплого тулупа больно не хочется.

Дед с внуками спускаются к реке. Абрам Иванович говорит о традиции:

– ... посреди торговых рядов завсегда особенное место определялось. Его никто не занимал. Во второй день Сырной седмицы здесь собирался «круг». Круг-то исстари известен в русском Дому. Это ишо со времён святого Владимира пошло, когда он порубежье от ворога ограждать надумал. А может – ишо ранее. Собирались ватагами, сходились на кругу по двое – от каждой артели по одному. Бились-боролись. Ежли один сходил с круга, его место артельщик занимал. Кто в кругу последним из бойцов оставался – тот и «круг уносил»!.. Это у нас охотничьим боем бьются. Всё у нас дозволено, окромя двух запретов: до первой крови, да лежачего не бить! А в других-то местах, где старину ещё держат, по-другому бывает. Где-то борются в схватку, где-то борются в несхватку. Живёт, борются только на пояса. А где-то – «об одной ручке». В иных только «на кулачках» дерутся... Только слаб стал русский народ, старину забывает, от Господа отворачивается, Благодать не честит. Редко где в русском Дому истинную старину застанешь – всё более вместо зерна – полова, вместо древа – опилки...

– Да знам мы всё, деда! – лопочут маленькие внучата.

– Знала коза, что бывает гроза, да всё равно под гром попала! Слушайте, да в голове откладывайте. Не век буду с вами.

Проходят меж торговых рядов. Многолюдно, шумно, от товаров полки ломаются. Выходят к середине ярмарки. Просторное место уже наполняется людьми.

Завидев Абрама Ивановича, старики приподнимаются с лавок. Шапки снимают, кланяются. Всяк хотит уважить.

Бородачи Захар да Онисим тоже возле заветного места. Захар уважительно смотрит на Абрама Ивановича и вполголоса говорит Онисиму:

– Вот, друг, какой славный дед! Долгонько Иваныч ходил в атаманах караваевской дружины.

– Точно, брат! – поддерживает Онисим. – Я-то третий десяток на кругу, а ни разу не припомню, чтобы кто не то что ложил – хотя бы душевредно задел Иваныча! Частенько он «круг уносил».

– Потому и место деду меж старцев самое почетное. Нать-то, он со старцами и будет суд вести. Другого такого в округе не сыскать!

Абрама Ивановича старики приглашают на самое почетное место – на резную лавку, среди самых уважаемых людей. Абрам Иванович для порядка отнекивается, признаёт себя недостойным такой великой чести. Старики просят помочь деда в «сурьёзном деле»: «суд вести» честным боям. Абрам Иванович соглашается.

Народу собралось много. А люди всё подходят. Кто будет биться, сходятся ближе к центру площади. Караваевцы – с одной стороны, зареченцы – с другой. У караваевцев, по обычаю, алые кушаки. У зареченцев – синие.

Старшины делят бойцов на четыре разряда:

– Отроча вперед! Мужики становись следом. Кто из бояр пришёл?..

Онисим с Захаром снова переговариваются.

– Эх, жаль, князей ныне нет! – сокрушается Захар. – Слабеет округа. А каким князем

был отец-то Абрама Иванныча, Иван Ильич, Царство ему Небесное!

– Что правда – то правда, Захар. Про Ивана-то Ильича слыхивал я разное: как он один против стенки хаживал; как медведя-шатуна завалил, ребёнка спасая; как на войне за Отечество кровушки своей не жалел. Строгий был человек, но добрый. Все уважали. Знали – в любой беде Иван Ильич первый «надёжа».

– И мастер был на все руки: у людей и нож не режет, а у него и шило овец брило! А уж как бился – ураган! Смерчь! Не подступишься! Стены не боялся!

– А уж как хитро супротивника выматывал – настоящая лиса! – отмечает Онисим.

– Эх, как вы были в Бажатах лапотники, так и остались ими! Говорено же вам, что лучший боец – князь! Князь, а никакая не лиса!

– По мне лиса ближе, понятливей. И зайцы понятливей, чем отроча. Молодяжки такие ж, как зайцы прыткие, да неумелые. Опять же – волки куда яростнее, чем мужи. И медведи уважительнее, чем бояре. А то: бо-я-яре! Ровно на свадьбу собралися! Это на свадьбе жених – князь, а дружки – бояре. А тут – какая свадьба? Тут бои!

– Вам, бажатским, что в лоб, что по лбу – всё едино!.. Кажись зачинается!

Абрам Иванович руку поднял.

– Други! Доброго всем здоровья желаю! Начнем с Богом «круг».

Дед снял шапку, повернулся на церковь, стоящую на самом высоком месте села, перекрестился. Православные последовали его примеру.

Старец одел шапку. Строго сказал:

– Старину не позорить. Пусть каждый муж али отрок восхвалит Господа боевой ухваткой. И помнит два закона: лежачего не бить, и битися до первой крови! С Богом, братья!

Воздух резанул зычный глас тальянки. Одноногий гармонист сбил на затылок треух, взял «русского» и заголосил:

– Да восхвалим мы Господа!

Да восхвалим мы Господа!

Слава в вышних Богу Отцу!

Слава Сыну Иисусу Христу!

Слава, Слава, Слава Духу Святу!

Да Пречистой слава Матушке,

Пресвятой Богородице!

А-ал-ли-луйя-а! Ал-ли-лу-и-и-я!..

Начались бои. Заиграли гармошки. Под их такт выступают на круг бойцы – каждый в свой черед.

Первыми вышли «отроки» или «зайцы». Прыгали, наскакивали, хватались, толкались. Суетились много. Да всё без толку! Вот один из двоих упал. И подняться ему тяжело. Его заменил другой. Снова: прыг-скок!..

Илья вышел последним из караваевских «зайцев». Троих зареченцев «положил» друг за другом. У тех «зайцы» вышли. На круг ступил первый «муж», по-народному – «волк». Это – Пашка Коршунов. Он был гораздо старше противника. А фигурой пошел в отца, Зорилу Тимофеевича – высок да грудаст. Отвесив поклон, Пашка тут же пошёл в атаку. Но удары противника лишь разъярили Илью. Пошла молотьба! Потливо стало.

– Говаривал я, что Коловратовых нахрапом не взять! – отмечает один из коршуновских парней, недавно выбывший из круга. – Пашка-то наскочил, да ожегся! Но ерепенится – вишь как жару-то поддаёт – впору веник брать! Смотри, смотри. Как захватил Пашка супротивника! Да счас же вдарил со всего маху! Другому бы с лихвой хватило! Только не Илюхе. Упредил увёрткой! А как подсёк! – у Пашки пятки выше головы подлетели!

Хряпнулся Пашка сильно. Вскочил.

– Гли-ко, гли-ко! Илья новое угощенье поднёс. Да ещё. И ещё!

Вскоре зареченцы выпустили другого бойца. Он и положил Илью. Отдуваясь, с подбитыми глазами, парень к деду идёт.

– Молодец, Илюха! – одобрительно хлопает парня Захар из Мухино. – Знатно бился! Не опозорил род и старину!

Абрам Иванович к внуку наклонился и тихонько прошептал:

– Лени в тебе, Илюха, как в старых сотах моли. Сноровки так вообще ни на грош нет! Не силой ведь бьются, а умением! Сам на удар кидаешься! В одном хорош: от боя не бежишь. Ну, да ничего, и из кривого дерева хоромы выстраивают.

Уже солнце на закат пошло, когда очередь до «бояр»-«медведей» дошла.

– Истых бояр, говорят, всегда была нехватка, – ещё не отойдя от боя, отдыхиваясь и поправляя алый кушак, говорит Захар Онисиму.

Онисим уже отдохнул. Поддерживает друга:

– Да, этих богатырей по округе на пальцах одной руки пересчитать можно. А сейчас на кругу всего-то трое: караваевский кузнец Егор Платонович, коршуновский староста Зорило Тимофеевич, да Абрам Иванович. Ещё где-то не видать Данилу Абрамовича да Кузьму-плотогона.

– Кузьма-то, говорят, изувечился сильно. А Данила Абрамович, слышал я, в гости к теще уехал с хозяйкой своей да дочерьми. Вот сыновья его тут, да отец. Только Абрам Иванович совсем высох. Слишком стар он ноне для боя.

– Стало быть, будут биться только Егор да Зорило. Им и удаль пред схваткой казать! О прошлом годе Егорот-кузнец согнул в дугу толстенный лом. И никто не разогнул! Во силища! Рассказывают, что ещё молодяжкой был Егор, да на поле пахал. А потом купаться пошел. И пока купался, мерин-то новую рубаху у него изжевал да и съел. Поди солёная от пота была рубаха-то, вот и по вкусу мерину пришлась. Так Егор так осерчал, что хватил мерина кулаком по уху – тот враз издох. Отец-то Егора уздой отходил, а после заставил самого плуг таскать – так он всё поле вспахал! Заместо мерина! Во силища!

Егор-кузнец вытаскивает кованую подкову. Пускает её в народ:

– Прошу покорно разогнуть!

Силачей не нашлось. Подкова вернулась целёхонькой кузнецу. На глазах у всех Егор распрямил её.

Зареченский богатырь Зорило Тимофеевич только хмыкнул. И приказал кому-то из своих разогнать пару лошадей, запряженных в розвальни. Народ загудел, раздвинулся. Образовался переулочек. Лошади, гремя бубенцами, помчались прямо на Зорилу Тимофеевича. Ещё немного – сомнут удальца! Но богатырь сильно прогнулся назад. И тут же «сломался», глубоко согнулся вперёд, нанося удар кулаком в торец оглобли. Лошади храпнули, словно налетели на высокий пень! Один конь взвился на дыбы, другой пал на колени! Сани остановились. Народ одобрительно загалдел. Лишь Абрам Иванович недовольно поморщился.

– Силен, Зорило! – отмечает Онисим. – Поединки-то он любит. А вот в «стенке» не хаживал. Говорит: «Давота одна, раздолью нет».

Зорило и Егор-кузнец степенно выходят на круг. Кланяются друг другу в пояс. Начинается поединок. Долго топчутся друг против друга.

– Боятся вдарить! – говорит Онисим Захару. – Стерегутся. Оба хваткие – один промахнись, так второй враз скрутит!

Наконец, сцепились богатыри – не разнять! Пыхтят, сопят. Ищут слабинку. На удары не отвлекаются.

– Берегут силы, чтоб угостить враз и досыта! – шепчет Захар Онисиму.

Егор оказался мощнее. Сдавил соперника. Вот-вот сомнёт. Да подвернулась нога на льду. Потерял опору. Зорило вмиг воспользовался. Извернулся, да «с крыла» – локтем! Да вдругорядь! Стал оседать кузнец – угощение отведал так отведал! Возликовали зареченцы! А Зорило гоголем похаживает. Руки в боки, нос кверху. Свысока на всех поглядывает: кто ещё желает сразиться?!

Сникли караваевцы. Глаза прячут. Вздыхают.

– Нет с нами верного атамана Данилы Абрамовича, – сухо выдавливает из себя Захар. – Не задирали бы так Зорило. Коршуновская порода от гордости вскормлена, с наглостью дружбу водит, да высокомерна без меры. Был бы атаман, так налетел бы Зорило с ковшом на брагу – подчерпнул бы медовухи с сивухой!

Неожиданно с лавки спрыгнул дед Абрам. Как молодяжка выскочил на круг. И бросил шапку оземь!

– И-эх! Чей день завтра, а наш сегодня! – взвизгнул старик и заголосил частушку:

– Выходи на середину,

Атаман – головорез!

Заведём такую драку –

Зашумит зелёный лес!

Илья смотрел на деда и не верил собственным ушам! В голове пронеслось: «Вот те на! Сам всегда наставлял не выставлять себя, и сам идёт в задир! Ну и дед!»

Парень оглянулся вокруг – у земляков от удивления челюсти отвисли!

Удивился и зареченский великан. Дед был на голову ниже и в два, если не в три, раза тоньше. Хотел было развернуться да уйти. Ан, нет! Дед петухом наскокивает.

– Ужо жамкну, – как бы оправдываясь, бросил землякам Зорило. И вполголоса прошипел подбежавшему сыну Пашке:

– Подбери-ка полушубок. А я старика пичну. Пусть будет всему Коловратову роду наука.

Шагнув навстречу, богатырь осторожно сжал сухощавую фигурку и... оказался на спине! Мотнув головой, словно отгоняя дурман, великан вскочил. Ярость застелила глаза: «Ужо, проучу!» Вдарил сильно. И, кажись, зацепил. Только небо крутанулось. И лопатки больно ударились об лёд. Развернулся, ища деда. Тот здоровёхонек. Посмеивается.

«Ужо, вобью!» – вскочил на ноги новоявленный Голиаф. Его новый удар шумно сотряс воздух. Великан грузно шмякнулся на утопанный лёд! Тело заныло.

– Никак падучая болезнь прицепилась? Вот ведь напасть! Ты бы встал, Зорилушко, не ровен час – простудишься на льду, – причитал дед. И столько было искренности в его словах, что со стороны и впрямь можно было подумать: переживает старик за здоровье молодца.

Поднялся бывалый боец. Никогда не было с ним такого позору! Пошёл в атаку осторожно, боясь сделать опрометчивое движение. Вот, кажись, рядом дед. Удар!.. Всё завертелось, и сильная боль припечатала ко льду. Едва сознание не потерял. Тело разболелось. Поискал глазами деда. А он совсем в другом месте стоит. Ладонями по своим коленям хлопает. Лицо удивленное. А сам причитает:

– Не держат резвы ноженьки на прямой дороженьке! Без хмельного во рту валится на льду! И впрямь падучая болезнь к молодцу прицепилась!..

Приподнял Зорило отяжелевшую голову. Присмотрелся внимательно.

Захар с Онисимом недалече оказались. Один другому тычет локтем:

– Смотри, смотри, как ребёночек лопочет дед, словно в салочки играет. А какой взгляд! Какой взгляд, ты смотри! Ровно родитель глядит на расшалившееся дитя: не перестанешь, мол, накажу!

Что-то колыхнулось неведомое в сознании Зорилы. Он вдруг почувствовал себя беспомощным. Продолжая наблюдать за резвившимся стариком, зареченский великан только и смог выдавить из себя удивленное открытие:

– Братья! Абрам-то Иваныч – «лиса»!

По дороге домой Абрам Иванович шел медленно и понуро, словно провинившийся школяр. Внучата бежали впереди. Земляки обгоняли Абрама Ивановича, уважительно кланялись. А кто шёл навстречу, обязательно давал дорогу, кланялся. Весть быстро разнесла: Абрам Иванович в князи вышел!

Дед же словно осужденный брёл медленно, не поднимая лица. И вполголоса ругал себя:

– И чё я выпятился?! Чё не сдержался? Ох, беспутый я, беспутый! И на что я гожд, овчина старая?! Только срам от людей! А пред Ангелами небесными так вообще червь сухощавый! Как пред Господом теперь предстану, скотина невыдержанная! Как на вечный свет покажусь, тварь безмозглая?! Вот, поди, нечисть-то теперь беснуется: ишо одного заарканили!.. Ох-хо-хо... Как же слаб-то я, Господи, как слаб! Господи, помилуй! Помилуй мя, грешного. Если в таком простом не сдержался – на что я гожд? Грешный я, грешный! Господи, помилуй. Вразуми мя, немощного и бестолкового! Научи путям Твоим. Чтоб не моя воля была, но Твоя! Помоги мне, Господи! Помоги мне, слабосильному и бестолковому грешнику. Научи нести крест свой, а не кидаться в рабы к страстям. Помоги мне, Господи Вседержителю! Твой я, и ничей более! Господи, помилуй!..

Искренние слезы выступали из глаз старика. И чтобы никто не видел его раскаяния, дед наклонял голову всё ниже и ниже.

Среда не зря называлась «разгулом». Ещё управляясь со скотиной, Илья в мыслях летел на санях с крутого яра. Сегодня он ребят удивит. Даром что ли чуть ли не месяц за село бегал да втихаря сноровки набирался?!

А на яру, крутым боком подперевшим реку, толкотня да визготня! Ребяшня который день угоры укатывает. Санки до самых ярмарочных рядов летят! Только держись! Вот и неженатики подваливают. За ними степенные дяди-тёти санки несут. Всем хочется кровушку подмолодить. С радостью «укатывают горочки». Шум, визг, смех!

Илья ватагу привёл. Глазами знакомый платок узрел. Гикнул молодецки. Крикнул:

– Смотри, братцы!

На сани встал да вниз по крутому склону! Решил удивить... И удивил! Весь угор промчался – удержался. В конце санки в кочку воткнулись. Илья птицей взмыл. И шлёпнулся! Казалось, вся гора затряслась от смеха!

Парень с досады и стыда сник было. Да потрянул головой:

– Конь о четырёх ногах и тот спотыкается! Битый – еще не мертвый! За гордость наказан! Прости мя, Господи! И-эх!

Подхватил санки. И в гору! Дружки-приятели поди уж «обоз ставят». И впрямь, караваевские молодяжки санки друг к дружке привязывают. Вот уж на «кошевы» сели. Да айда длинной вереницей с крутой горы! Визг, смех, шутки-прибаутки!

К полудню младшие братья Илье доложили:

– Зареченские парни зовут «град брать».

– Скликать всех наших! – приказывает Илья. – Идём воеваться!

«Градом», точнее городом, назывался островок посреди реки. Был он похож на взъерошенного ежа. Летом на острове молодяжки костры «палили». На Масленицу остров превращался в неприступную крепость. Одна сторона реки град защищала, другая – брала «с бою».

Караваевские неженатики вмиг собрались. Ребятня с ними увязалась. Многочисленная, разнокалиберная рать двинула к острову.

А на льду разгар гуляния. Повозки, одна наряднее другой, снуют. Звон колокольчиков всю округу весенней трелью наполнил. Только и слышно: «Ра-а-зайдись! Па-а-берегись! Эге-гей!..»

Недалече от острова остановилась караваевская «рать».

– На сей год наш черёд град брать, – говорят молодяжки-неженатики. – Вон и зареченцы уж во граде приступа ждут, с раннего утра не дремлют. Из снежных камней стены успели поставить. Схоронились за ними. Снежные комья приготовили. Поди, возьми их голыми руками. Курица не ястреб, да и та клюется! А тут целое войско за стенами к бою изготовилось. Становися полками да сотнями. Чтоб не скопом наступать! И не рассыпью! А друг за друга хоронясь от комьев «вражеских».

Молодяжки-неженатики тут же стали «полки ставить» да «наряд давать»: кому с кем наступать и кому что делать. Разделились на несколько групп.

– Наступать по свисту, – наставляють неженатики. – И чтоб без толкотни. Порядок соблюдать. С Богом, братья!

«Полки» да «сотни» со всех сторон «град» окружили. Среди отрядов наступает и ватага Ильи Коловратова, также именуемая «сотней».

– Возьмём град! – уверенно кличут караваевцы.

По свисту «ломанулись» вперёд:

– Ура-а-а!

Да не тут-то было! Захлебнулась атака снежными комьями... Отступили караваевцы.

– Глаза-то пирог лопают, а рот подавился! – язвит кто-то. – Туча с градом и то меньше урону приносит. Ниче, и не такие грады брали!

Снова неженатики «полки сбивают», «сотни» готовят, порядок в войске устанавливают.

– Возьмём град? – вопрошают.

– Возьмём град! – отвечают сотни голосов. Пронзительный свист призвал к новой атаке.

– Ура-а-а! – закричали караваевцы.

– А-а-а!.. – разнеслось по округе. Но и эта атака была отбита.

Отступив, неженатики решили применить уловку. Ватага Ильи была усилена могутными парнями и поставлена напротив самого уязвимого места «града». Там, где остров имел пологий берег. Остальные «полки» должны были наступать по своим направлениям. Зареченцы видели перестановку. И побеспокоились, направив против усиленной рати своих «могутных богатырей».

Снова разнесся свист.

– Ура-а-а! – закричали караваевцы.

– Ура-а-а! – мощно гаркнула Илюхина дружина и, не обращая внимания на каменный град, пошла на приступ. Вот уж и стены. Илья быстро вскарабкался. А там уж зареченцы встречают с кулаками. Да куда вам коршуны супротив сокола! Увернувшись от ударов, разметал троих. А за «князем» уж «бояре» ломятся! Пошла «сцеплялка-свалка»! Зареченцы, чтоб непрошенных гостей выпроводить, «оголили» стены. Караваевцы вмиг воспользовались. Навалились со всех сторон. Тут уж битва разгорелась не на шутку! И долго полыхала, пока у молодяжек силы не иссякли.

«Град» был взят.

Вечером вернулись родители. Отец к теще на блины всю женскую половину катал – жену да дочерей. Мать гостинцев навезла. То-то радости было! Илья, истратив силы в тяжелой битве, уминал угощенье за двоих. Деду пришлось придержать парня: кабы опосля животом не стал маяться.

Поблагодарив Господа за трапезу, Данила Абрамович обратился к отцу с вопросами:

– Че, тятя, на лед-то ходил? Кто там круг-то унёс – наши али зареченцы? Илья-то не

сплоховал в драке?

Абрам Иванович ровно и не слышит. Пришлось Даниле Абрамовичу вдругорядь вопросы повторить. Старик же только за ухом чешет, всем видом показывая: глух стал!

– Илюха! Ты хоть скажи: был «круг»?

– Был! – подскочил Илья и уже хотел первым радостную весть сообщить про дедову победу, да старец опередил. Незаметно стукнул под коленки – парень и повалился!

– Ты че? Ты че-о?! – Абрам Иванович схватил внука за плечи, словно удерживая, между тем как ноги незаметно подсекали. – Не падай! Ай!..

Рухнул Илья. Старик на него! И тут же кулак под нос внуку!

– У-у, бугай, какой здоровый вымахал! Смотреть надо под ноги. Так вот и задавишь ненароком.

– Я говорю, кто «круг» унес: наши али зареченские? – заорал, наклонившись, в самое ухо отцу Данила Абрамович. Старик аж отпрянул!

– Я че, глухой? Не посмотрю, что у самого седина пробивается: так сыромятным ремнем отхожу – неделю стоя кашу будешь жевать!

– Так я ведь думал, ты оглох! Спрашиваю, спрашиваю. Кто, говорю, «круг» унес – наши али...

– Известно дело, что наши... Вроде Егор, Платохин сын, что ли? Темно уж было.

– Илюха! Кто на «кругу» верх взял?

– Да я конца не дождался, рано ушел. В ухо так саданули – до сих пор звон стоит.

Махнув рукой: от вас правды не дождешься, Данила Абрамович собрался и ушел по соседям «правды искать».

– Четвёрток Сырной седмицы завсегда был на особом счету, – объяснял на следующее утро, за завтраком, Данила Абрамович детям. – С незапамятных времён в сей день сходились русские мужи стенка на стенку. Хочешь мира – готовься к рати. А что лучше «стены» может подготовить мирянина к настоящей битве? Ничто не сравнится! Дед рассказывал, что в давние времена каждый род несколько десятков, а то и сотню бойцов выставлял для настоящих битв. Не одинова бывало: враг нападёт, а князя с дружиной далеко. Тогда селяне сами ставили «стены». И, бывало, сшибали «салазки» свиному вражьему рылу!

– Тятя! Давай пойду да деда позову: пусть про старину расскажет!

– Деда не тревожить! Он на своей половине со вчерашнего дня молится. К нему ни ногой!

На льду с утра людно. Караваяевские да зареченские молодяжки друг на друга задирают. Треплют друг друга частушками. Раззадоривают крепкими словами. Вот уж и стенки ставят. На сближение пошли. Сшиблись яро! Ору много, а согласия в рядах нет! Вскоре поле битвы превращается в «сцеплялку-свалку». Кто кого бьет – непонятно! Одно ясно: достается и своим и чужим.

Недалече девицы огромный хоровод завели. Платки у всех цветастые, полушубки бисером вышиты. Из-под длинных юбок не всяк разглядит, что и валенки-самокатки замысловатыми узорами прошиты. С горы посмотреть – венок на льду, да и только!

Пританцовывая, выходят в центр хоровода две группы девиц. Сцепивши руки за спинами, одна группа запела громко:

– Собралися тараканы да пошли войной на мух! Ай, лю-ли, ай, лю-ли, да пошли войной на мух.

– Ай, лю-ли, ай, лю-ли, да пошли войной на мух, – подхватил хоровод.

Тут вторая группа девиц руки за спинами сцепила и заголосила:

– Поклялися мухи медом: тараканов разобъем! Ай, лю-ли, да ай лю-ли, тараканов разобъем!

– Ай, лю-ли, да ай лю-ли, тараканов разобъем! – несется над рекой.

Под песню «тараканы» да «мухи» сходятся. Начинается толкание «стеночек». Только нет в их рядах лада.

Как бы неожиданно отделяется от хоровода и вбегает в центр третья группа девиц. Это – «буйный ветер». Налетел ветер, «разметал» обе «стеночки». Девицы такой визготок устроили, что по берегам люди сбегаться стали:

– Где кого режут?!

Молодяжки-неженатики устали от драк. С гордым видом потрепанных воробьев к своим берегам путь держат. Хоровод девичий далеко стороной обходят.

Онисим с Захаром всё видели. Стоят, смеются:

– Замечают молодчики девичью издёвку. А что тут ответить? На правду злиться – умом разориться. А близко подойди, так ещё и насмешками затравят длиннокосые. Поди потом, ищи ту баню, где от дегтя девичьего отмыться можно! Еще и кличку озорную, как клеймо позорное, без гвоздей прибьют – никаким ломом не отдерешь! Эх-ма, молодость, молодость!

К полудню на обоих берегах собралось почти всё население округи. Даже древние старцы слезли с печи и приковыляли к реке. Не было лишь Абрама Ивановича.

Из лучших бойцов «сбиваются» две стены-сотни: караваевская да зареченская.

Неженатиков и близко не подпускают.

– Неча вам, молодяжки, в сурьёзном деле делать! – сердито говорит Захар неженатикам, заправляя кафтан.

– Понятно дело! – поддерживает Онисим. – Одни бородачи в боевой стене!

– Все – бывалые бойцы, а в миру – справные хозяева да заботливые отцы, – переговариваются две женщины-коробейницы. – Все – благочестивые христиане. Кто в церковь не ходил, покаяния не приносил, крест не целовал – того на «Божий суд» не берут: от такого одна беда. А в бою-то нужна победа!

В положенное время от берегов навстречу друг другу отходят два вала. Караваевскую стену возглавляет отец Ильи, Данила Абрамович.

Спокойно и мерно ступают бородачи. Самые ушлые о возможностях противника доносят.

– Нет у зареченских ныне надёжи. Кузьму-плотогона бревном давануло. Нанимали, было, пришлого. Да он образ Божий потерял: бороду бреет. Навроде бабы стал. От такого одни напасти жди. Выщипай соколу перья – так он хуже курицы станет! Браду мужу сбрить – что бабе принародно оголиться! Срам один! Человек-то – образ Божий, а Господь наш, Вседержитель – с бородой!..

– Идём на суд Божий, братья! Не посрадим старину!

– Не посрадим!

На берегах людно. Всем интересно посмотреть, как караваевцы с зареченскими «судиться» будут. Кто на лошадях катался – остановились, глазают. За караваевской стеной в кошеве одноногого гармониста везут. Он бы и сам рад в стене пройти – да не возможет! Всю не востребовавшую силушку вложил в частушки. Режет воздух клич тальянки:

– Караваевцы идут,

Полы раздуваются!

А зареченски робята

Взбучки дождатся!

Выходи, робята, биться,

Чем зажмуривши ходить!

Мы дружиною пришедши,

И слабо нас тут побить?!

Шире улица раздайся,

Мы дружиною идем!

Коль зареченцев мы встретим,

Все печенки отобьем!..

У острова, где ещё вчера происходила битва молодяжек, стенки остановились.

– Кажи! – зычно гаркнул Данила Абрамович. Около четырёх сотен рук вскинулось вверх.

– Чисты рукавицы, нет в них тяжестей! – несётся от ратей.

– Старину не позорить. Лежачих не топтать. Проигравшие – угощают! – громко крикнул атаман караваевской дружины.

– Дай бою! Дай бою! – взвыли бойцы. Вой усилился и, смешавшись с пронзительным свистом, превратился в ледянящий душу рёв. Так гудит приближающийся ураган. – Дай бою! Вали их! Сшибай! Дави! Ломай!.. Дай бою!..

– С Богом, братья! Держаться крепко! Стену не ломать! – зычно наставлял своих Данило Абрамович.

– Дай бою! – стены сошлись. Сошлись, как веками сходились их деды-прадеды, дабы в мирное время не растерять боевую сноровку.

Сошлись. Ударились так, что лёд загудел. словно огромные мельничные жернова стукнулись друг о друга и медленно стали перетирать спелое сухое зерно в муку. Только вместо зерна человеческие тела давят друг на друга. В воздухе кулаки свистят. А ору – птицы в воздухе от страха шарахаются!

– ... Нас побить, побить хотели,

Резать собиралися.

А мы сами, а мы сами

Того дожидались!..

От берегов, не выдержав, семят к месту битвы старики. Молодяжки тут же увязались за ними. Бывшие мастера стеношного боя переговариваются:

– В стене-то счас теснотища – не развернуться! Это на «кругу» раздолье. Там хошь - бей, хошь – хватай, хошь – бросай, хошь – уворачивайся. В стене – другое. Не всяк удар здесь пройдёт. Вот мощный «раскач» к месту будет.

– Раскач-то в самый аккурат! И с локтя можно! Я бывалоча с локтя вдарю – так враз стреножу!

– С локтя-то можно, да локотками осторожно! И коленцами изувечишь так, что долго маяться будет. Как опосля в работу впрягаться?

Словно подслушав разговор стариков, одноногий гармонист выдаёт:

– Это что за лупоглаз

Выдаёт коленца!

Не досталось бы ему

Осинова поленца!..

Старики, остановясь недалече от битвы, продолжают беседовать:

– Всего тяжелее в «стене» коренным бойцам. Спереди давят, бьют без жалости! Сзади свои напирают! Разве кишки не вылазят! А держать надо! А пробивать дорогу надо! Ну-ка, без доброй сноровки попробуй!

– Потому коренными стоят «битые» бойцы. От дедов слыхывал, что в старину коренным в ярой-то «стене» шёл десятник-дядька. А уж за ним родство напирало – от старших до младших в десять рядов.

– Ведомо нам, что ярая-то «стена» сбивалася из сотни добрых бойцов: десяток по фронту, да десяток – в тыл. При нужде сотни «сбивались» в полки. Из полков собиралося русское войско. Во рать-то, поди, взывала?! Кровь застынет!

– Однако, братья, самый груз в стеношном бою «чело» выносит. «Чело» то – центр стены. Разорви «чело» и рви тогда хоть правую, хоть левую руку! Стало быть, в «чело» ставь только лучших – «клиновых» бойцов. Тут мало выносливости да умелости кулаками махать. Голова нужна! Не столько крепкая, сколько смышленная. Дабы чують характер стены, дабы чують норы боя: сплотиться при обороне, аль кулаком словно клином «ломануться» в атаку. А там: дави! ломай! вали! круши!

– Вы-то ещё титьку сосали, а я уж молодяжкой грады брал! – говорит, опираясь на посох, самый старый из дедов. – Было время, и наших собирались в настоящие стены, где в колонну строилося по десять бойцов. Только ныне «исхудали» роды. Позади коренного не девять из родни подпирают, а только один. Однако, коснися ярой битвы, чтоб выйти против гордого супостата, так ишо подскажу, как боевую сотню «сбить». Мы с Абрамом-то Иванычем, поди, только вдвоём и знам, как яру-то стену сбивать-ставить...

Мелют жернова. Нет в стене продыху. Удары, давка, теснотища! Бойцы в поту, многие без шапки. Подбавляет жару тальянка. Ударяет частушками одноногий гармонист:

– Мы зареченских бивали

И тепереча побьём!

Караваевски робята –

Нигде не пропадём!

Пусть побьют нас, поколотят,

Мы претерпим, молодцы.

Попадутся в наши руки –

Закуем как кузнецы!

Караваевские старики чуют ход битвы:

– Поди, наши-то угощение готовят! Вот-вот «надежа» вылетит. Как без «надежи»-то? Вот, бывало, Иван-то Ильич Коловратов вылетал! Ураганом! Так рванёт, что ихнее-то «чело» враз сшибёт! Тут уж мы не зевали! Раздирали супротивную стену, как рогожу, на

две половины. А там уж за малым оставалось.

– Иван-то Ильич, говаривали, ишо в мужах ходил, так редко кому поддавался. А как «боярином»-то стал, так в одиночку выходил против целой стены! И, бывало, побеждал! Раньше-то, бают, много таких удальцов было. Ныне извелися богатыри. Исхудал русский род: Богу положенную честь не воздает. Вот Господь и не одаряет благодатью. А без благодати какие уродятся богатыри? Таки и уродятся, что на свою плотску силу надеются. Только, что значит тлен супротив Божьего Духа? Пыль да труха!

В караваевской стене оживление.

– Я пошел. С Богом! – крикнул Данила Абрамович. Пихнув в рот шапку, чтоб зубы остались целы, караваевский «надёжа» смерчем ломанулся вперёд! Двоих сшиб. Ещё одного зацепил.

Старики с ноги на ногу переступают, шеи вытягивают, с надеждой говорят:

– Кажися треснул затор?! Нашла вода течь! Напрягитесь, напрягитесь, братья!

Но и зареченцы напряглись. Из последних сил сдерживают натиск караваевцев. Орут: «Дя-аржись, братья! Дай бою!» За их спинами играет гармошка, поддерживает частушками невидимый гармонист.

Но у караваевцев уже совсем радостно поёт тальянка – близка победа!

– ... Атаман не думал долго:

Уложил их «клиновых»!

Поднажмите-ка, братушки,

Даваните остальных!..

В это время старики друг друга толкают, в сторону острова указывают:

– Гли-ко, гли-ко! Чё тако?! Будто снежные комья катят! Это ж зареченцы! Засада!
Дя-аржися, братья! Зареченцы угощение несут!

Налетел зареченский отряд. С ходу врубился в бок караваевской стены!

Караваевские старики взвыли! Орут:

– Всё! «Сшиб салазки» нашей стене. Смотри, леву-то сторону как корова языком
слизала! Вот как бывает! Были богаты, и вот уж с сумой бежим, побираемся! Удача-то
ласточкой извернулася. Ох, нашим-то как туго счас.

В караваевской стене кряхтят:

– Дай бою! Дя-аржися! Дяржися-а-а!

Взвыла тальянка. Черным вороном распласталась на снегу шапка гармониста. Сам он

готов «ломануться» на выручку. Да немощь связала. Глаза в слезах. От бессилия
оскалил зубы. Рвёт мехи – мороз нагрелся!

– ... Били, били нас тараном,

Поливали кипятком!

Хоть огнем вы нас палите –

Никуда мы не уйдем!..

– Ослаби! – перекрывает шум боя зычный голос Данилы Абрамовича. – Иха взяла.

Стихла гармонь. Тяжело дыша, сникли караваевцы. А округу сотрясло мощное ликование
зареченцев. И нет предела их радости!

Старики судачат:

– Бог зареченцев помиловал. Сколько лет кряду биты были. А ныне благодать снизошла.
Радуются! И как не радоваться: голый оболочётся – и то рад! А тут битый многожды
супротивника положил!

– А ведь молодцы они! – потрянул головой караваевский воевода. – Качать их! Ура-а-а!

– Ура-а! Ура-а-а! Слава Богу! Ура-а-а! – подхватили караваевские бойцы и кинулись обнимать своих победителей. А те, вспотевшие, окровавленные, со слезами на глазах радовались как малые дети. И принимали «супротивников» в свои жаркие объятия!

– Ура-а-а! Слава Богу! Слава Богу! – вознеслись к небу тысячи голосов. Возликовала вся округа! Одни бежали к месту минувшей битвы. А подбежав, подхватывали зареченских бородачей и с огромной радостью подкидывали их как можно выше. Другие обнимались. Третьи просто радовались.

Одноногий гармонист радовался пуще всех. Обняв свою тальянку, он играл «русского», воспевая:

– Да восхвалим мы Господа!

Да восхвалим мы Господа!

Слава в вышних Богу Отцу!

Слава Сыну Иисусу Христу!

Слава, слава, слава Духу Святу!

Да Пречистой слава Матушке,

Пресвятой Богородице!

Ал-ли-луй-я-а! Ал-ли-лу-у-и-и-я!..

Ликует округа! Радуются люди!

Старики слёзы вытирают:

– Вот он, свет Божией благодати: возлюблен Бог! И все – братья!

В пятницу с утра из-за реки потянулись подводы. Зареченцы ехали в гости целыми семьями. В каждой караваевской избе готово щедрое угощение: блины, шаньги, оладьи, пироги да долгие разговоры. На широком дворе Данилы Абрамовича Коловратова стало тесно от розвальней. Лошади выпряжены и стоят отдельно, прикрытые попонами. Из дома доносятся приглушенные разговоры. Через заиндевевшее окно видно, что и просторная горница Коловратовых нынче тесна.

Илья во дворе. Помогает кому-то из гостей управиться с лошадью. Гость с жаром рассказывает:

– ... Заезжий купчишко, как ворон, добычу учуял. Завёз было на ярмарку хмельного зелья да самогону. Так наши-то его чуть не зашибли! Заорали: «Дурманом травить?! Сам жри дьявольскую кровь!» Так тот едва ноги унёс. Видно, не знал тот купчишко, что по благочестивой старине живём... Кажися, прибрали. Пойдём в дом, пока пироги не остыли.

Горница. За накрытыми столами сидят и угощаются гости. Во главе стола, возле божницы, сидит Данила Абрамович. Вкушают степенно, не спеша. Разговоры ведутся

размеренно о житье-бытье. Во всем чувствуется умиротворение.

Илья присаживается с краю. Старается быть незаметным. Прислушивается к историям.

Проходит какое-то время, и Данила Абрамович достаточно громко возглашает:

– Братья и сестры! Вижу, что многие накушались с «руки Божией». Давайте же не будем ломать традицию и воспоём Господу.

Данила Абрамович басовито, негромко заводит духовную песнь:

– Вот лобное место стоит предо мною

Со скорбию вижу там образ Креста.

Сжимается сердце, льют слезы рекою

И трепетно шепчут молитву уста.

Все собравшиеся в едином порыве, торжественно подхватывают:

– На древе Распятый, распни мои страсти

Пречистою кровью мне скверну омой,

Терпевый обиды, избавь от напасти

От тяжких соблазнов меня Ты укрой.

Главу обагренну на грудь преклонивый

Житейскую гордость во мне Ты смири.

И нрав мой смятенный, и дух мой строптивый

В покорность и кротость овцы претвори.

В стопы прободенный, Страдавший от мук

Стопы моя к правде и свету направь.

Изъязвленный дланью, храни моя руки:

От дел нечестивых ко благу наставь.

Желчь с оцетом устами своими вкусивый

От жажды томяся на Древе Честном,

Очисти язык мой и студный, и лживый,

И даруй храненье нечистым устам.

Копьем прободенное сердце имея,

В моем сердце двери открой для любви,

Чтоб к Богу и ближним душой пламенея,

Я мог бы исполнить веленья Твои.

Звуки песни вылетают за стены дома. Снова широкий двор Коловратовых. Из окон приятно льётся свет и доносится духовное пение.

Над заснеженным селом проявляются звезды. Во всём чувствуется умиротворение.

Встает воскресное солнце. Сельская церковь полна народу. Конец церковной службы. С амвона священник проповедует:

– ... Прощайте другим – и вам простится! К тому и Господь нас призывает...

Говорит изречения из Святого Писания.

Церковный двор. Из храма степенно, не спеша выходят люди. Только и слышно: «Прости Христа ради. Прости...» Каждый просит прощения у близких и знакомых. Каждый прощает обиды другим. Расшалившихся детишек одергивают.

Илья заметил Пашку Коршунова. Парень удивлён: что привело Пашку в Караваево, когда у них за рекой своя церковь есть? Ну да Бог знает, куда кого вести. Илья подошёл к супротивнику.

– Ты, Павел, прости меня ради Христа, – искренне сказал Илья.

– Бог простит. Меня прости и благослови, – отвечивал зареченец.

– Бог простит. Бог благословит.

Вечереет. К развилке дороги подъезжает санный обоз. Слышны колокольчики, храп коней, людские пересуды.

– Что, брат, Онисим, расстаемся?

– Видно так.

– Прости ради Христа, если что не так.

– Бог простит. Ты меня прости и благослови.

– Бог простит, Бог благословит! – говорит Захар. Пожимает руку друга. Оба с тревогой смотрят на раскрасневшуюся вечернюю зарю. Захар со вздохом произносит:

– Отгуляла Маслена седмица. Скоро Великий пост воцарится. Как-то выдержим? Господи, помилуй!

Обоз разделяется на две части. Разъезжаются земляки. Слышны колокольчики и приглушенные разговоры. Полыхает красная вечерняя заря.